

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ в 1920-е гг.

М. И. Мирошниченко

В статье дана характеристика особенностей первой советской женской гендерной модели на первом этапе её развития — в 1920-е гг. Показаны трансформации, происходившие в структуре женской гендерной роли на макросоциальном уровне: в типичных видах деятельности, социальном статусе, содержании распространенных представлениях о женщине. Выявлены различия в подходах к вопросу о женщинах как дополнительном ресурсе военной силы в позициях царского правительства, Временного правительства, Белого движения и Совета Народных Комиссаров. Освещены представления лидера партии большевиков В. И. Ленина о роли женщин в социалистическом перевороте. Описано, как на основе юридического равноправия женщины с мужчиной, закрепленного в советском законодательстве в октябре 1917 г. — 1918 г., происходило реформирование системы брачно-семейных отношений, реализация лозунга освобождения женщины от домашнего хозяйства, осуществление крупных мер по охране материнства и младенчества. В это время с учетом физиологии женского организма создавались особые условия женского труда; вводились льготы для беременных, рожениц, родильниц и кормящих матерей, в том числе, отпуск по беременности и послеродовой отпуск; организовывались женские и детские консультации. Установлены общие черты первой советской женской гендерной модели, формировавшейся в 1920-е — первой половине 1930-х гг. Определены отличительными признаками её первоначальной формы 1920-х гг., важнейшими из которых стали наличие женотделов, свобода аборта, отношение к проституции как к социальной болезни и ведение борьбы с ней культурно-просветительскими и социально-экономическими мерами, дискурсивность женского движения, активное вовлечение женщин в управленческую деятельность. В заключение отмечено влияние политики по охране материнства и младенчества на социальные позиции женщин.

Ключевые слова: гендерная история, гендерная роль, первая советская гендерная модель, женотделы, женщины.

1920-е гг. представляют собой классический пример периода кризиса идентичности, развивавшегося в обстановке радикальных трансформаций периода с февраля по октябрь 1917 г., эпохи Гражданской войны и после новой волны радикальных перемен 1927—1929 гг. Большинство населения вновь столкнулось с проблемой вторичной социализации, особенностью которой стало ее осуществление в условиях конфликта мировоззренческих ценностей, разрешавшегося в обстановке не просто ограничения плюрализма мнений, но возникновения тоталитарного общества, а также в условиях формирования с 1920-х гг. до середины 1930-х гг. первой советской гендерной модели.

На протяжении 1920-х гг. и первой половины 1930-х гг. в Советской стране сложился особый тип женской гендерной роли, который предопределил своеобразие первой советской женской гендерной модели, прошедшей в своем развитии 2 этапа: первый этап — 1920-е гг., второй этап охватывает собой 1930—1935 гг. Под моделью мы понимаем гносеологический образ, отображающий исследуемый объект как систему и воспроизводящий его посредством схемы. Гендерная роль как вид социальной роли представляет собой совокупность предписанных и ожидаемых образцов (моделей) поведения, которые определяют дифференциацию прав и обязанностей, статусов, деятельности людей в зависимости от их половой принадлежности. Предписания и ожидания в области репрезентативного поведения полов формируются государством и обществом и определяют

способы, которыми они реализуются в различных формах общественного взаимодействия как процесс и результат включения человека в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности.

На макросоциальном уровне содержание «женской роли» как специфика социального положения женщины включает в себя типичные виды деятельности, социальный статус, распространенные представления о женщине.

Новые культурные нормы формировались новой властью в ходе разработки и проведения государственной политики в отношении женщин. Они сосуществовали, вступали в противоречия или вытесняли старые традиционные представления о женщине.

Правовые основы, закрепленные советским законодательством в период с октября 1917 г. по 1919 г., определили основные направления трансформации женской гендерной роли в советском ключе. Новые преобразования не только продолжали тенденции, появившиеся во второй половине XIX — начале XX вв., но и порождали совершенно новые связи и отношения. Эволюционные изменения, выразившиеся в непоследовательном и противоречивом процессе допуска женщин к получению высшего образования, сменились в период с 1914 по осень 1917 гг. отдельными эксцессами — крупными достижениями в борьбе женщин за свои права. Расширение приема женщин на государственную службу в качестве обеспечивающих специалистов в 1910-е гг.

(в основном в качестве телефонисток и телеграфисток) было дополнено с октября 1916 г. приемом женщин на службу в полицию, в том числе, в сыскную полицию, на все канцелярские должности, за исключением должностей заведующих регистрацией преступников. С 1915 г. женщины стали рассматриваться и как один из резервов военной силы. К 1917 г. в действующей армии наряду с сестрами милосердия, сиделками и врачами появилось некоторое количество добровольцев. При Временном правительстве в результате активной деятельности Петроградского женского военно-народного союза добровольцев продолжилось формирование женских пехотных и других частей, с февраля 1917 г. появились также женские ударные части и подразделения (численностью от 250 до 1000 человек в каждом). Однако по предписанию Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова от 14 августа 1917 г. дальнейшая организация женских частей боевого назначения была прекращена, 8 ноября была запрещена отправка женских формирований на позиции, а 30 ноября 1917 г. по решению Военного совета старого Военного министерства абсолютно все женские части были расформированы [21, с. 177—178; 23, с. 47, 51, 58, 59]. В то же время декретом Временного правительства женщины были допущены в адвокатуру; в сентябре 1917 г. женщины России добились избирательных прав. «Белые» в годы Гражданской войны принципиально отрицали возможность привлечения женщин в армию. «Красные» заняли иную позицию: в Красной Армии женщины были не только врачами, сестрами милосердия, библиотекарями, но выступали в роли политработников, военных разведчиков и бойцов. Такая позиция формировалась на основе многолетнего опыта совместной работы, в которой женщины нередко проявляли себя лучшими организаторами боевой работы, чем мужчины. Именно этот опыт успешной совместной работы позволил В. И. Ленину позже утверждать: «Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т.п., чем «болеет» наша постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты» [9, с. 24—25; 10, с. 157].

Руководство партии большевиков отчетливо осознавало значение женщин в общественной жизни. В мае 1917 г., очерчивая задачи пролетарской революции в России, В. И. Ленин заявлял: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [3, с. 165]. «Не может быть социалистического переворота, — писал он в ноябре 1918 г., трактуя социалистический переворот в широком смысле как социалистические преобразования, — если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия» [8, с. 185]. Понималась также и степень женского влияния,

осуществляемого через систему социальных сетей: «Успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины», — говорил глава советского правительства [8, с. 186]. В декабре 1920 г. В. И. Ленин отмечал, что в мирной организаторской партийной и советской работе женщины должны сыграть первую роль [11, с. 54].

В целом, указания В. И. Ленина о работе среди женщин, носили тезисный характер, объективно они существенно повышали статус женщин в мнении мужчин. Были намечены основные направления работы по ликвидации положения женщин как «угнетенного пола» [7, с. 287]: в юридическом отношении — это достижение полного равенства с мужчиной по закону, свобода от опеки мужчины и свобода от угнетения мужчины [7, с. 286]; в практическом отношении — участие женщин-работниц в управлении государством и общественными предприятиями [10, с. 158]. Им были выдвинуты основные лозунги: «Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий в законе в пользу мужчины» [7, с. 286]; «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин» [10, с. 158].

Ядром первой советской гендерной модели стали правовые положения, направленные на изменение статуса женщины и обеспечивавшие юридическое равноправие мужчины и женщины. Они были закреплены в советском законодательстве в октябре 1917 г. — 1918 г., нормами которого признавалось право граждан Российской Советской Федеративной Социалистической Республики обоюбого пола, трудящихся, которым ко дню выборов исполнилось 18 лет (не входивших в категории, перечисленные в ст. 65), избирать и быть избранными в Советы, а также право массовых организаций работниц на управление страной в единении с Временным рабочим и крестьянским правительством [16, с. 20]. Задача «уравнения женщины по закону с мужчиной» [13, с. 199] была решена. «От неравенства женщины с мужчиной по закону, — отмечал В. И. Ленин в 1921 г., — у нас, в Советской России, не осталось и следа» [12, с. 369]. Понимая сложность поставленной задачи, еще в 1920 г. лидер партии большевиков подчеркивал: «Равенство по закону еще не есть равенство в жизни. Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником» [10, с. 157]. Главный путь к этому определялся как все большее расширение участия женщин-работниц в управлении общественными предприятиями и в управлении государством [10, с. 157].

Крупными социальными институтами, формирующими предписанные и ожидаемые образцы поведения, являлись брак и семья. К 1920 г. традиционная система брачно-семейных отношений в Советской России уже претерпела революционные изменения. Брак из сферы церковного права стал сферой гражданского права. Расширилась свобода женщин, были закреплены обязанности мужчин по материальному обеспечению совместных детей после развода. Нормами Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и

опекунском праве от 16 сентября 1918 г. был введен гражданский брак вместо церковного, представлена широкая свобода разводов. Священный собор Русской Православной Церкви, проходивший в Москве с августа 1917 г. по сентябрь 1918 г., резко осудив упрощение процедуры развода, расценивал гражданский брак как прелюбодеяние и многоженство. Новый Кодекс законов о брачно-семейных отношениях от 19 ноября 1926 г. вводил институт фактического брака.

Стесненность положения женщины в условиях ее полного юридического равноправия с мужчиной В. И. Ленин связывал, в первую очередь, с ее занятием домашним хозяйством; путь достижения действительного равенства он видел в создании общественного хозяйства и участии женщины в общем производительном труде, оговаривая при этом, что речь идет не о производительности, размере, длительности труда, условиях его и т. д., а о работе на производстве в целом [1, с. 201—202]. Домашнее хозяйство В. И. Ленин называл «мелкой, отупляющей, непроизводительной работой», «...в большинстве случаев... самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина, ...трудом чрезвычайно мелким, не заключающим в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины», вводящим женщину в состояние «домашней рабыни» [1, с. 202]. Высвобождение женщин от работы в домашнем хозяйстве считалось одной из важнейших предпосылок вовлечения их в новые виды деятельности и стало одним из основных направлений изменений. Отрыв женщин от домашнего хозяйства, в том числе от ухода за детьми младшего возраста и их воспитания (показательно, что уход за грудными детьми и детьми младшего возраста В. И. Ленин относил к домашней работе [1, с. 202]) предполагалось осуществить через систему общественного воспитания детей. И если в 1919 г. речь велась о создании только столовых и яслей [1, с. 202], то с достижением практической легитимации власти предполагалось устройство сети детских домов для общественного воспитания всех детей и сети общественного хозяйства. Очень скоро выявился утопизм подобных заявлений. Отметим, что в условиях голода 1921—1922 гг. первая из этих идей — об общественном воспитании всех детей в детских домах — была отчасти реализована. Некоторое время для спасения от голодной смерти детей даже из полных семей те родители, у которых была возможность это сделать, отправляли в детские дома. В конечном итоге идея общественного воспитания всех детей трансформировалась в программу создания дошкольных детских учреждений в виде детских площадок, детских садов и яслей. Идея всестороннего развития коммунального хозяйства прожила дольше: задачи основания обширной системы общественного питания (сети столовых, фабрикухонь), общественных прачечных, общественных бань, общественных мастерских по ремонту одежды и обуви, а также пунктов по сбору, ремонту и продаже поношенной одежды и обуви ставилась на протяжении всего исследуемого периода. Однако идеи крупномасштабного развертывания общественного

питания и общественного коммунального хозяйства, жизни на принципе «деньги — товар — деньги», вступали в противоречие с политикой свертывания нэпа, поскольку предполагали развитие, а не ограничение рыночных отношений.

Крупной областью реформирования женской гендерной роли стали чрезвычайно прогрессивные меры, предпринятые РКП(б) по охране материнства и младенчества (охматмлада или ОММ). Комплекс норм, институтов, взаимоотношений, действий в сфере охраны материнства и младенчества представлял собой еще один крупный узел первой советской гендерной модели, который влек за собой одновременно расширение прав и обязанностей женщины, повышение ее статуса и новые механизмы поведения. Идеи о роли государства в решении этой задачи были высказаны еще до октября 1917 г. [1, с. 7]. Реформирование данной области проводилось по разным направлениям. Это, во-первых, создание нормативно-правовой базы льгот для беременных, рожениц, родильниц и кормящих матерей, и институциональной среды медицинского сопровождения беременности, родов и младенчества. Во-вторых, создание особых условий женского труда, которое вызывалось спецификой физиологии женского организма. Меры, направленные на облегчение условий труда для женщин, имели своей целью охрану женского организма от перегрузок. Так, согласно декрету СНК РСФСР «О восьмичасовом рабочем дне» от 30 октября 1917 г., все лица женского пола не допускались к подземным работам (п. 15) и к сверхурочной работе (п. 17).

Охрана беременных посредством создания лучших условий для течения беременности, родоразрешения и ухода за ребенком стала развертываться непосредственно после установления новой власти. В целях уменьшения детской смертности и «сохранения от вырождения младенцев фабрики и деревни» Народным комиссариатом труда и Народным комиссариатом здравоохранения был введен целый комплекс специальных мер. Женщины с начала второй половины беременности, то есть на сроке в 4,5 месяца, должны были переводиться на более легкую работу (их называли «легкотрудницами»); консультации для беременных предназначались для ознакомления с гигиеной беременных и правильным уходом за ребенком, одновременно в них в какой-то мере могло осуществляться наблюдение за течением беременности. Все «беременные физического труда» за 8 недель, а «беременные умственного труда» за 6 недель освобождались от работы и от всех видов трудовой повинности. С момента установления беременности все беременные не подлежали назначению на работы первой группы (в нее включались работы «тяжелого физического характера»: по очистке снега, перевозке тяжестей, заготовке и погрузке дров, обработке полей, борьбы с наводнением, санитарной очистке и т. п.). При назначении на работы второй группы («не требующие применения особых физических усилий и не производимые в особо вредных условиях»: уборка лечебных заведений и прочих зданий, шитье и починка белья, конторские работы, уход за больными, культурно-просветительная работа и т. п.) будущие

матери направлялись только на самые легкие из них. При переброске трудотрядов беременные женщины оставались по месту жительства. Инспекцией труда и местными комиссиями по охране материнства и младенчества беременные, работавшие на фабриках и заводах, а также во всех учреждениях и предприятиях снимались с более тяжелых работ и переводились на более легкие, во второй половине беременности «легкотрудницы» не могли быть назначаемы в ночные смены. В санитарных учреждениях они освобождались от ночных дежурств. При общественной обработке полей семей красноармейцев в первую очередь должны были обрабатываться и убираться поля беременных красноармеек. Беременным предоставлялось право проходить вне всякой очереди при получении продуктов, проездных билетов, при посадке в вагоны, при получении справок в советских органах и т.п., а также право входить в трамвай с передней площадки [17, с. 252—253].

В детских консультациях врач должен был осматривать детей, давать советы по уходу и вскармливанию; если нужно, мать получала там прикорм для ребенка. После появления ребенка мать освобождалась на первые два месяца от работы, она должна была получать усиленное питание до 6 месяцев, пока кормила ребенка исключительно грудью. Кормящая мать получала право перейти на службу ближе к дому, для кормления ее отпустили с работы на каждые три часа. Для матерей, работавших вне дома, планировалось открывать ясли, куда мать приносила бы ребенка во время работы, там он должен был получать пропитание, уход опытного персонала и правильный врачебный надзор. Для матерей, не имевших своей семьи и дома, планировалось открывать Дома матери и ребенка, где мать вместе с ребенком отдыхала бы до родов и после родов, привыкала к своему ребенку и училась уходу за ним. Для грудных детей, лишенных по той или иной причине материнской груди, предполагалось организовывать Дома ребенка [19, л. 2].

По постановлению СНК от 9 марта 1920 г. дело охраны материнства и младенчества в центре и на местах передавалось в ведение Наркомздрава. Согласно циркуляру Народных комиссариатов труда, социального обеспечения и здравоохранения РСФСР от 16 апреля 1920 г. подотделы охматмлада из ведения местных отделов труда и социального обеспечения (оттрудообесов) переводились в ведение губернских отделов здравоохранения (губздравов). Подотделы снабжения отделов труда и социального обеспечения были обязаны выделить мануфактуру, мыло, обувь, специальный детский инвентарь (стерилизаторы, бутылочки, ледники и проч.) и передать его губздравам [14]. Введенные после октября 1917 г. денежные пособия по беременности и родам выдавались, по-прежнему, потделами труда отделов социального обеспечения [14]. Осуществлялась правовая охрана прав беременных при найме [13] и увольнениях [15]. Состояние беременности за 2 месяца до родов (и до ее окончания), согласно циркуляру НКВД РСФСР № 27 от 15 января 1928 г., и циркуляру Наркомздрава РСФСР № 15 от 19 января 1928 г., давало право женщинам пользоваться до-

полнительной комнатой или дополнительной жилой площадью в этот период.

Расширение профессиональных сфер применения женского труда — следующая, подвергшаяся изменению область прежней гендерной модели. Характер правовых представлений, их первоначальный тезис о превалировании революционного правосознания делал возможным широкое участие в работе судебных органов людей, не обладавших специальными знаниями и опытом работы в системе судоустройства. По словам В. И. Ленина, судить на основе революционного правосознания трудящихся классов мог всякий, и новые советские суды были такими органами, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могли быть проведены поголовно [5, с. 169]. Выдвигая классовый лозунг: «Выборность судей из трудящихся только трудящимися», коммунистическая партия «не делает различия для женщин, уравнивая оба пола во всех правах, как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей» [4, с. 115]. Идеи привлечения женщин на работу в милицию лидером партии большевиков были высказаны уже в марте 1917 г., поскольку, не привлекая женщин, нельзя обеспечить настоящей свободы [2, с. 43]. Институт выдвигенчества способствовал внедрению женщин в управленческую область. Что же касается сферы квалифицированного и высококвалифицированного труда, исторически маскулинизированной, то процесс ее феминизации в 1920-е гг. был затруднен, в первую очередь, отсутствием у женщин ранее возможности получить специальные знания, неграмотностью, малограмотностью и низким уровнем образования большинства грамотного женского населения. Предпринимаемые в этом отношении меры: совместное обучение девочек и мальчиков (предполагавшее в том числе, что девочки обучаются по той же программе, что и мальчики); равные права женщин и мужчин на образование; квотирование приема девушек в школы фабрично-заводского обучения, поощрение направления девушек и женщин на учебу на рабочие факультеты и т. п., — не могли дать сразу быстрого результата. Этот результат начал проявляться в полной мере лишь со второй половины 1930-х гг.

Общими для первого и второго этапов чертами первой советской гендерной модели (1920-х — середины 1930-х гг.) стали равные права с мужчинами (юридическое равноправие); гражданский брак как нормативный характер брака; охрана материнства и младенчества; вовлечение женщин в общественное производство; ведущая роль пролетарок; быт в домах-коммунах; свобода аборта и широкая работа специальных комиссий (к примеру, в Шадринске в 1927 г. — комиссии по регулированию аборт [20, с. 18]), работа которых освещалась в печати; наличие специальных большевистских женских организаций с особой формой работы (делегатскими собраниями); отношение к проституции как к социальной болезни и ведение борьбы с ней культурно-просветительскими и социально-экономическими мерами; открытое пассивное сопротивление со стороны интеллигенток (критически настроенных женщин, с законченным или незаконченным выс-

шим образованием или средним образованием в размере гимназии, работавших, преимущественно, телефонистками, телеграфистками, служащими, учительницами и т. п.); множественность гендерных моделей; неграмотность большинства женщин; небольшие сроки ссылки и заключения для женщин-осужденных; наличие лишенков (слоя женщин, лишенных права избирать и быть избранными в советы).

Особенными чертами, характерными только для первоначальной формы советской гендерной модели, функционировавшей в пределах 1920-х гг., стали наличие широкого массового организованного советского женского движения, женотделов как вида специальной большевистской женской организации (вместо ранее провозглашаемого принципиального отказа от создания особых большевистских женских организаций), развертывание массовой работы среди женщин при опоре на работниц и крестьянок и выделение в особую группу красноармеек (в противоположность выделяемой до Октября 1917 г. группе солдаток); множественность относительно свободно функционировавших разнотипных гендерных женских моделей (с отличными от пропагандируемого образа жизни механизмами поведения — меннониток, толстовок, монахинь, старообрядок и т. п.); дискурсивность женского движения (появление союзов «Иглы», эсеровских женских кружков, церковных сестричеств); отношение к проституции как пережитку капитализма, который исчезнет в новых социальных условиях в процессе привлечения женщин к производительному труду; особый характер выдвигенчества вне управленческой сферы (в повара, сторожихами и т. п.); условия безработицы; энтузиазм женского движения; первые прецеденты овладения мужскими профессиями; сохранение роли церковных обрядов (венчания, крещения, соборования и отпевания и др.) и широкое распространение практики двойной обрядовости (церковной и гражданской); большая доля крестьянок-индивидуалок и незначительное число колхозниц и работниц совхозов; посещение девочками школы в значительно меньшей степени, нежели мальчиками (при этом часть мужских обязанностей по хозяйству, ранее выполнявшихся мальчиками-подростками, перелагалась на девочек в связи с тем, что мальчики стали ходить учиться в школу); начало навязывания общественной работы к профессии, вызывавшее активный протест среди интеллигенток; пропаганда отношения к женщине как к товарищу; визуальный образ «новой женщины» был маскулинным, характеризовался открытым пренебрежением к своему внешнему виду; выбор красного цвета платка, как символа поддержки новой власти, носимого ее сторонницами; преимущественное участие женщин в 1923—1926 гг. в борьбе за возвращение прежних домовладений; конкурсы на воспитание лучшего ребенка, организуемые в общем русле развития социалистического соревнования и означавшие привнесение его элементов в частную жизнь; более свободный статус заключенных (и в том числе женщин); сохранение традиционных общественных механизмов формирования сексуальности (посиделок или вечеров).

На макросоциальном уровне происходило, во-первых, вовлечение женщин в новые виды деятельности. Это работа в государственных органах, расширение участия в общественном производстве, в том числе — внедрение в управленческие структуры на производстве; обучение мужским профессиям; работа в органах суда, милиции, прокуратуры и т. п.; научная деятельность, занятия физкультурой и спортом. Вне зависимости от того, трактовать ли досуг как время, не занятое работой или другим делом, или считать досугом часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроеизводственных обязанностей, новая жизнь влияла на свободное время многих женщин, вызывая либо сокращение времени их досуга, либо изменение его форм. Во-вторых, повышался социальный статус женщин. В-третьих, изменялись распространенные представления о женщине, предназначение которой традиционно виделось в заботах о муже, семье, домашнем хозяйстве; в заботе и уходе за детьми, их воспитании. Достоинство женщины как базовая духовная ценность, значительно девальвированная в обстановке Гражданской войны, стало занимать более высокое место в иерархии ценностей мужского менталитета.

Таким образом, основными составляющими новой женской гендерной модели стали подвергшиеся активному реформированию права и свободы женщин, брачно-семейные отношения, отношение к материнству (особенно в пренатальном периоде и на этапе раннего детства) и трудовые отношения. В сложившейся к концу 1920-х гг. первой советской женской гендерной модели изменилось соотношение элементов структуры женской гендерной роли. Если ранее типичная деятельность порождала статус и на основе этого складывались распространенные представления о женщине, то в 1920-е гг. ведущее значение стал иметь социальный статус: резкое поднятие статуса установлением юридического равенства полов и поддерживаемое ресурсами государственной власти вовлечение женщин в новые виды деятельности, изменяли представления о женщинах в условиях дискуссий о свободе половых отношений. Конструируемая новой властью социальная роль женщин, воспринимавшихся как однородное целое («женские массы»), в 1920-е гг. была в основном ориентирована на активное участие в общественной работе и вовлечение женщин в общественно-полезный труд. Новым условием вторичной социализации стала пропагандируемая антирелигиозность. Можно отметить постепенное частичное замещение национально-религиозного компонента внешнеполитическим содержанием, происходившее в процедуре смыслополагания при решении женского вопроса. Новые смыслы, будучи декларируемыми в качестве пролетарских, несли в себе элементы отчуждения, свойственные, в сущности, дворянской модели участия женщины в домашнем хозяйстве и взаимоотношений между матерью и детьми. Отчуждение ребенка от матери, а женщины от прямых хозяйственных функций, присущее образу жизни, сложившемуся во многих дворянских семьях; материальная обеспеченность и отсутствие

необходимости заботы о своем материальном положении; образ жизни в эмиграции, в подполье, в ссылке, бездетность многих выдающихся деятелей большевистского движения, имевших дворянское происхождение, и поверхностное знакомство их с реалиями жизни женщин из социальных низов, — все это составило психологическую подоплеку, на подсознательном уровне фундаментализировавшую решения о воплощении в жизнь положений об общественном воспитании, коммунальном проживании, общественном питании в целях освобождения женщин, а на деле — в интересах высвобождения женского ресурса рабочей силы для использования его в общественном производстве. Возведение идеи охраны материнства и младенчества в ранг государственной политики и создание сети организаций по охране материнства и младенчества; введение оплачиваемых отпусков по беременности и родам; оплачиваемых перерывов работающим матерям, имевшим грудных детей, для кормления детей грудью; введение гражданского брака, свободы развода, разрешения аборт — все это способствовало популяризации большевизма. Наделенная льготами по охране материнства и младенчества, женщина получила ряд преимущественных прав. Однако, в конкретно-исторических условиях советской действительности 1920-х гг. пронаталистические ценности не занимали ведущего места в структуре стратегических ориентиров.

Литература и источники

1. Коллонтай, А. М. *Общество и материнство* / А. М. Коллонтай. — Пг.: Жизнь и знание, 1916. — 641 с.
2. Ленин, В. И. *Письма издалика* [11 марта 1917 г. Впервые напечатано в 1924 г.] // В. И. Ленин Полное собрание сочинений. 5 изд. (далее Полн. собр. соч.) — Т. 31. — С. 11—59.
3. Ленин, В. И. *Задачи пролетариата в нашей революции* [28 мая 1917 г.] // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 150—186.
4. Ленин, В. И. *Проект Программы РКП(б)* [1919 г.] // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 82—124.
5. Ленин, В. И. *Доклад о партийной программе 19 марта: VIII съезд РКП(б)* [19 марта 1919 г.] // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 151—184.
6. Ленин, В. И. *О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г.* // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 198—205.
7. Ленин, В. И. *Советская власть и положение женщины* [6 ноября 1919 г.] // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 285—288.
8. Ленин, В. И. *Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г.* // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 185—187.
9. Ленин, В. И. *Великий почин (О героизме рабочих в тылу по поводу «коммунистических субботников»)* [28 июня 1919 г.] // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 1—29.

МИРОШНИЧЕНКО Мария Ильинична, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Южно-Уральский государственный университет. Научные интересы: история женщин Урала, историческая феминология, гендерная история, история повседневности, мировой и отечественной культуры. E-mail: mmi74@yandex.ru

10. Ленин, В. И. *К женщинам-работницам* [21 февраля 1920 г.] // Полн. собр. соч. — Т. 40. — С. 157—158.

11. Ленин, В. И. *Приветствие Всероссийскому совещанию губженотделов 6 декабря 1920 г.* // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 54.

12. Ленин, В. И. *Международный день работниц* // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 368—370.

13. *О запрещении нанимателям отказывать в приеме на работу беременным женщинам: циркуляр Народного комиссариата труда от 15 августа 1922 г. № 375/119 // Действующее законодательство о труде.* — Вып. 2. — М.: Пг., 1923. — С. 78.

14. *О передаче дела материнства и младенчества в центре и на местах в ведение Народного комиссариата здравоохранения РСФСР: циркуляр Народных комиссариатов труда и социального обеспечения и Народного комиссариата здравоохранения РСФСР губернским отделам трудового и социального обеспечения и здравоохранения от 16 апреля 1920 г.* // СУ РСФСР. — 1920. — № 19. — Ст. 103.

15. *О порядке увольнения беременных женщин: постановление Народного комиссариата труда от 8 августа 1922 г.* // Действующее законодательство о труде: сб. декретов, постановлений и инструкций по вопросам найма и увольнения, заработной платы, рабочего времени, охраны труда, разрешения конфликтов и социального страхования, опубликованных по 1-е июня 1923 года. — Вып. 2. — М.; Пг.: Вопросы труда, 1923. — С. 42.

16. *Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства: декрет II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1927 г.* // Декреты Советской власти. — Т. I. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. — С. 20.

17. *Об охране здоровья женщины: постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР 18 ноября 1920 г.* // СУ РСФСР. — 1920. — Ст. 471.

18. *Об охране материнства и младенчества: постановление Народного комиссариата труда и Народного комиссариата здравоохранения РСФСР от 1 июля 1920 г.* // Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти, 1917—1924 гг. — М.: Медицина, 1966. — С. 252—253.

19. ОГАЧО. Ф. П-267. Оп. 1. Д. 9.

20. *Отчет Шадринского городского совета о работе за 1926—27 хозяйственный год.* — Шадринск: Типография «Коммунтреста», 1927. — 28 с.

21. Сенин, А. С. *Женские батальоны и военные команды в 1917 году* / А. С. Сенин // Вопросы истории. 1987. — № 10. — С. 177—181.

22. *Список болезней, дающих право лицам, страдающим ими, пользоваться дополнительной комнатой или дополнительной жилой площадью, утвержденный 15 января 1928 г.* // Медицинско-фармацевтическая служба. — URL: <http://www.webapteka.ru/phdocs/doc4366.html> (дата обращения 16.06.2011).

23. Солнцева, С. А. *Ударные формирования русской армии в 1917 г.* / С. А. Солнцева // Отечественная история. 2007. — № 2. — С. 47—59.

Поступила в редакцию 01 декабря 2014 г.

CONTENTS OF THE FIRST SOVIET GENDER PATTERNS IN 1920-s

M. I. Miroshnichenko, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
2679101@mail.ru

The paper presents the characteristic features of the first Soviet female gender model in the first stage of its development — in the 1920s. Showing transformations that took place in the structure of the female gender role at the macro-level: in typical activities, social status, the content of the common images of women. The differences in the approaches to the issue of women as an additional resource of military force in the positions of the tsarist government, the Provisional Government of the White movement and of the Council of People's Commissars. Lighting performance of the Bolshevik Party leader Vladimir Lenin on the role of women in the socialist revolution. Described as based on the legal equality of women with men as set forth in Soviet legislation in October 1917 — in 1918, there was reform of the system of marriage and family relations, the implementation of the slogan of the liberation of women from the household, the implementation of large-scale measures to protect mothers and children. At this time, taking into account the physiology of the female body to create special conditions of women's work; introduced benefits for pregnant women, pregnant women, postpartum women and nursing mothers, including maternity leave and maternity leave; organized women's and children's counseling. Identified common features of the first Soviet female gender model, form in the 1920s — the first half of the 1930s, determined hallmarks of its original shape of the 1920s. The most important of which were the presence of work among women department's, freedom of abortion attitude to prostitution as a social disease and combating its cultural, educational and socio-economic measures discourse of women's movement, the active involvement of women in management. In conclusion the impact of policies on the protection of mothers and children to social position of women.

Keywords: gender history, gender role, gender, the first Soviet model, department of work among women, women.

References

1. Kollontay A. M. Society and motherhood [Obshchestvo i materinstv]. Pg.: "Life and Knowledge", 1916. 641 p. [Pg.: «Zhizn i znaniye», 1916. 641 s.].
2. Lenin V. I. Letters from Afar, March 11, 1917 First published in 1924 [Pisma iz daleka, 11 marta 1917 g. Vpervye napechitano v 1924 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 31. P. 11—59 [Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy. 5 izd. (daleye Poln. sobr. soch.). T. 31. S. 11—59].
3. Lenin V. I. Tasks of the Proletariat in our Revolution, 28 May 1917 [Zadachi proletariata v nashey revolyutsii, 28 maya 1917 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 31. P. 150—186 [Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 31. S. 150—186].
4. Lenin V. I. Draft Programme of the RCP (b), 1919 [Proyekt Programmy RKP(b), 1919 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 38. P. 82—124 [Poln. sobr. soch. — T. 38. — S. 82—124].
5. Lenin V. I. Report on the Party program March 19: VIII Congress of the RCP (b), 19 March 1919 [Doklad o partynoy programme 19 marta: VIII syezd RKP(b), 19 marta 1919 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 38. P. 151—184 [Poln. sobr. soch. T. 38. S. 151—184].
6. Lenin V. I. The Tasks of the working women's movement in the Soviet Republic. Speech at the IV Moscow citywide non-partisan conference workers September 23, 1919 [O zadachakh zhenskogo rabocheho dvizheniya v Sovetskoy respublike. Rech na IV Moskovskoy obshchegorodskoy bespartynoy konferentsii rabotnits 23 sentyabrya 1919 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 39. P. 198—205 [Poln. sobr. soch. T. 39. S. 198—205].
7. Lenin V. I. Soviet power and the status of women, 6 November 1919 [Rech na I Vserossyskom syezde rabotnits 19 noyabrya 1919 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 39. P. 285—288 [Poln. Sobr. soch. T. 37. S. 185—187].
8. Lenin V. I. Speech at the I All-Russian Congress workers November 19, 1918 [Veliky pochin (O geroizme rabochikh v tylu po povodu «kommunisticheskikh subbotnikov»), 28 iyunya 1919 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 37. P. 185—187 [Poln. sobr. soch. T. 39. S. 1—29].
9. Lenin V. I. Great Beginning (On the heroism of workers in the rear about the "Communist Saturdays") [28 June 1919] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 39. P. 1—29 [Poln. sobr. soch. T. 39. S. 1—29].
10. Lenin V. I. By working women, 21 February 1920 [K zhenshchinam-rabotnitsam, 21 fevralya 1920 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 40. P. 157—158 [Poln. sobr. soch. T. 40. S. 157—158].
11. Lenin V. I. All-Russia meeting Greeting gubzhenotdelov December 6, 1920 [Privetstviye Vserossyskomu soveshchaniyu gubzhenotdelov 6 dekabrya 1920 g.] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 42. P. 54 [Poln. sobr. soch. T. 42. S. 54].
12. Lenin V. I. International Day [Mezhdunarodny den rabotnits] // Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. T. 42. P. 368—370 [Poln. sobr. soch. T. 42. S. 368—370].
13. Prohibition of employers to refuse to hire pregnant women: a circular from the People's Commissariat of Labor August 15, 1922 № 375/119 [O zapreshchenii nanimatel'nyam otkazyvat v priyeme na rabotu beremennym zhenshchinam: tsirkulyar

Narodnogo komissariata truda ot 15 avgusta 1922 g. № 375/119] // Existing labor laws. Vol. 2. M., Pg., 1923. P. 78 [Deystvuyushcheye zakonodatelstvo o trude. — Vyp. 2. — M., Pg., 1923. — S. 78].

14. On the transfer of the case to mothers and children in the center and on the ground to the People's Commissariat of Health of the RSFSR: Circular of People's Commissariat of Labour and Social Welfare and Health of the RSFSR People's Commissariat of the provincial departments of labor and social security and health care from April 16, 1920 [O peredache dela materinstva i mladenchestva v tsentre i na mestakh v vedeniye Narodnogo komissariata zdravookhraneniya RSFSR: tsirkulyar Narodnykh komissariatov truda i sotsialnogo obespecheniya i Narodnogo komissariata zdravookhraneniya RSFSR gubernskim otdelam trudovogo i sotsialnogo obespecheniya i zdravookhraneniya ot 16 aprelya 1920 g.] // SU RSFSR. 1920. №19. Art. 103 [SU RSFSR. 1920. № 19. St. 103].

15. On the order of dismissal of pregnant women: ruling People's Commissariat of Labor from August 8, 1922 [O poryadke uvolneniya beremennykh zhenshchin: postanovleniye Narodnogo komissariata truda ot 8 avgusta 1922 g.] // By labor legislation. Coll. decrees, orders and regulations on hiring and firing, wages, working hours, occupational safety, conflict resolution and social security, published on 1—e in June 1923. Vol. 2. M., Pg.: Labour, 1923. P. 42 [Deystvuyushcheye zakonodatelstvo o trude. Sb. dekretov, postanovleniy i instruktsiy po voprosam nayma i uvolneniya, zarabotnoy platy, rabocheho vremeni, okhrany truda, razresheniya konfliktov i sotsialnogo strakhovaniya, opublikovannykh po 1—e iyunya 1923 goda. Vyp. 2. M., Pg.: Voprosy truda, 1923. S. 42].

16. On Education Workers' and Peasants Government: Decree II All-Russian Congress of Soviets of October 26, 1927 [Ob obrazovanii Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva: dekret II Vserossyskogo syezda Sovetov 26 oktyabrya 1927 g.] // The decrees of the Soviet government. T. I. M.: Gos. publ. watered. Literature, 1957. P. 20 [Dekrety Sovetskoy vlasti. T. I. M.:Gos. izd-vo polit. literatury, 1957. S. 20].

17. The women's health: the resolution of the RSFSR People's Commissariat of Public Health and the People's Commissariat of Justice of the Russian Federation November 18, 1920 [Ob okhrane zdorovya zhenshchiny: postanovleniye Narodnogo Komissariata Zdravookhraneniya RSFSR i Narodnogo Komissariata Yustitsii RSFSR 18 noyabrya 1920 g.] // SU RSFSR. 1920 Art. 471 [SU RSFSR. 1920. St. 471].

18. On the protection of mothers and children: a resolution the People's Commissariat of Labor and People's Commissariat of Health of the RSFSR from July 1, 1920 [Ob okhrane materinstva i mladenchestva: postanovleniye Narodnogo komissariata truda i Narodnogo komissariata zdravookhraneniya RSFSR ot 1 iyulya 1920 g.] // Formation and development of health care in the first years of Soviet power, 1917—1924 years. M.: Medicine, 1966. C. 252—253 [Stanovleniye i razvitiye zdravookhraneniya v pervye gody Sovetskoy vlasti, 1917—1924 gg. M.: Meditsina, 1966. S. 252—253].

19. United State Archive of the Chelyabinsk region. F. P — 267. Op. 1. 9 AD [Obyedinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti. F. P—267. Op. 1. D. 9].

20. Report Shadrinsky City Council on the work of the 1926—27 financial year. [Otchet Shadrinskogo gorodskogo soveta o rabote za 1926—27 khozyaystvennyy god.] Shadrinsk: Typography "Kommuntresta", 1927. 28 p. [Shadrinsk: Tipografiya «Kommuntresta», 1927. 28 s.].

21. Senin A. S. Women's Battalion and the military command in 1917 [Senin A. S. Zhenskiye batalyony i voyennye komandy v 1917 godu] // Questions of history. 1987. № 10. S. 177—181 [Voprosy istorii. 1987. № 10. S. 177—181].

22. The list of illnesses entitling persons affected by them, to use an extra room or extra living space, approved January 15, 1928 [Spisok bolezney, dayushchikh pravo litsam, stradayushchim imi, polzovatsya dopolnitelnoy komnatoy ili dopolnitelnoy zhiloy ploshchadyu, utverzhdeny 15 yanvarya 1928 g.] // Medical-Pharmaceutical Service [Meditsinsko-farmatsevticheskaya sluzhba]: <http://www.webapteka.ru/phdocs/doc4366.html> (date treatment 16.06.2011) [(data obrashcheniya 16.06.2011)].

23. Solntseva S. A. Shock formation of the Russian army in 1917 [Solntseva S. A. Udarnye formirovaniya russkoy armii v 1917 g.] // History of Russia. 2007. № 2. S. 47—59 [Otechestvennaya istoriya. 2007. № 2. S. 47—59].

Received Desember 1, 2014